Л. И. Никовская

Возможности конфликтологического анализа российского общества в контексте вызовов модернизации[1]

Никовская Лариса Игоревна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН (e-mail: nikovsky@inbox.ru).

Аннотация: В статье рассматриваются особенности и характер развертывания конфликтности в условиях системных общественных изменений. Вводится понятие сложно-составного конфликта.
Ключевые слова: сложно-составной конфликт, кризис, модернизация, урегулирование конфликта.

Многие исследователи, анализируя сущностные основания «арабских революций» нынешнего года указывали на то, что они во многом были вызваны незавершённостью модернизации, при которой институты власти, собственности и общественных отношений были затронуты модернизацией в меньшей степени[2]. Глобальный финансово-экономический кризис лишь подтолкнул ситуацию неустойчивого равновесия к критическому состоянию. И ситуация взорвалась: персональная власть впервые за десятилетия обернулась «персональной ответственностью» правителей за все — за долгое преклонение перед их портретами, за застой, за неработающие социальные лифты, за потерянные рабочие места, за подорожавшие продукты, за прикормленных «родственничков»[3].

Аналогии не всегда являются достоверным методом анализа сути общественных явлений, но позволяют указать на скрытые угрозы для устойчивого развития, в том числе и российского общества. В самом деле, экономическое и социально-политическое развитие России после кризиса 2008 – 2009 гг. в целом продолжает оставаться неустойчивым и подверженным различного рода рискам и угрозам. После кризиса еще больше возросла сырьевая ориентация российской экономики, в значительной мере оказался разрушенным машиностроительный комплекс, реальное инновационное развитие

[1] Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ №10 – 03 – 00 109 «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

[2] *Макаренко Б.* Арабский протест: взгляд из России. URL: http://www.politcom.ru/11 518.html.

[3] Там же.

и реальная модернизация практически не происходят. Новые волны мирового кризиса, которые, по мнению многих серьезных американских экспертов (лауреатов Нобелевской премии по экономике П. Кругмана и Дж. Стиглица, аналитиков Н. Рубини, Ч. Неннера, Г. Селенте, предсказавших мировой кризис 2008 – 2009 гг.), скорее всего, обрушатся на мировую экономику уже в 2012 – 2013 гг. Нынешний глобальный мировой кризис, который угрожает странам и континентам, это не просто циклическое, но особое явление, какого еще человечество не знало. Его смело можно отнести к категории явлений, не имеющих аналогов в мировой истории и кардинально меняющей мировой порядок, все экономические устои. Начавшись, как банальный валютно-финансовый кризис, он затем приобрел комплексную природу, которая заявила себя на поверхности как сложно-составной конфликт, который задел все чувствительные сферы жизни людей — социальную, экономическую, нормативно-ценностную и, естественно, политическую. Он взывает сегодня к неординарными подходам, пересматривающим все старые догмы и стереотипы.

Глобализация создала такие условия, в рамках которых кризисы стали касаться всех элементов и участников мировой экономики, а как показывает характер развёртывания нынешнего кризиса — и всех сфер жизни. И в своей теоретической рефлексии он соединил в себе сегодня два концептуальных хода мысли, которые до этого шли порознь — как регулирующего явления в мировой системе и как индикатора исчерпания возможностей развития самого капитализма. Первое направление развивали Ф. Ницше, В. Зомбарт, Й. Шумпетер, вводя его в рамку концепта «разрушительного созидания». Э. Валлерстайн в этом отношении особо подчеркивал, что «кризис — это исторический момент, момент опасности и неуверенности, в течение которого следуют ответственные решения и трансформации, определяющие будущее развитие системы и — насколько это возможно — ее новый социальный, экономический и политический базис». Это означает комплексную природу самого феномена кризиса в нынешних условиях и глубину противоречий, вызвавших его к жизни: «Главная признак и причина системного кризиса — исчерпание веры в геокультуру либерального реформизма и прогрессивного развития, утрата согласия на подчинение среди подчинённых групп и стран мира»[1].

Второе направление, связанное с марксизмом, актуализируется ныне в связи с вопросом об исчерпании капитализмом в его нынешнем постклассическом виде позитивных возможностей для поступательного развития и переходом к новой качественной стадии роста[2].

---

[1] *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. — М., 2006. — С 36.

[2] См. : *Бузгалин А. В.* Будущее коммунизма. — М., 1996; *Попов Г. Х.* Об экономическом кризисе. — М., 2008.

Эти кризисные потрясения ещё больше усиливают риски и угрозы, с которыми сталкивается Россия. Иными словами, внешние факторы могут существенно обострить тлеющие основания системных противоречий, которые сопровождали и будут сопровождать модернизационные процессы в России. Трудности развития российского общества состоят в том, что оно оказалось перед императивом «креативной модернизации», основой которой является инновационный тип развития, не решив до конца задач «первичной» модернизации, призванной освободить социум от традиционалистских и тоталитарных наслоений, очистить от деформаций «дикого капитализма», провести реиндустриализацию страны. Незавёршенность модернизационных процессов, наложение разнородных задач — построение постиндустриального общества и завершение проекта позднеиндустриального развития[1], несомненно актуализируют особые по качеству противоречия и, соответственно, конфликтность.

Многие исследователи в последнее время достаточно точно подметили противоречивую природу трансформационных процессов, предлагая её обозначить как *антиномичность* российского общества, внутри которого складывается такой тип противоречий, где каждая из противоположностей имеет одинаково прочные базовые основания в реальности[2]. Противоречия-антиномии ведут к возникновению дилемм, не поддающихся снятию в результате единожды сделанного выбора. Пока сохраняются глубинные основания контрнаправленных тенденций, антиномичная дилемма вновь воспроизводится, требуя постоянного подтверждения выбора. Это, несомненно, свидетельствует о том, что существование в условиях свободы и демократии должно **приучить** нас делать выбор *постоянно*, осознавая *неокончательность* этого процесса, «чтобы научиться принимать современный мир, в котором демократия, федерация, гражданское общество и прочие ценности сочетаются со своими альтернативами и образуют антиномичные единства»[3].

Таким образом, осталось сделать один шаг до признания того, что конфликтологический подход может быть весьма плодотворен и эвристичен как теоретико-методологическая основа критической рефлексии, позволяющей адекватно реконструировать разнонаправленность процессов модернизации,

---

[1] Как пишет Рональд Инглхарт, «индустриализация инициирует важный этап культурной трансформации и приводит к бюрократизации, рационализации, централизации и секуляризации. Развитие постиндустриального общества влечёт за собой другой её этап — усиление роли личной автономии и самовыражения. И на том, и на другом этапе происходит изменение отношения людей к власти — но в различных аспектах. На индустриальном этапе модернизации происходит освобождение власти от религии, в то время как на постиндустриальном — освобождение человека от вездесущей власти». — См. : *Инглхарт Р.* Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества / под ред. Иноземцева В. Л. — М. : Изд-во «Европа», 2010. — С.170.

[2] *Красин Ю. А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Политические исследования. — 2003. — № 1. — С.124–133.

[3] Там же. — С.133.

и, в частности, теоретически воспроизвести антиномичную суть демократии, соединяющей в себе «единство принципов демократии участия и авторитарного делегирования власти, и гражданского общества — как антиномичного соединения однородного правового пространства с многообразным выражением интересов»[1].

Поскольку модернизация затрагивает все без исключения стороны жизни (правовую, политическую, этническую, экономическую, социальную и др.), то не только эти сферы должны претерпеть изменения, но и соотношения между ними. Очевидно, что в таком динамичном «котле» возникают и «бурлят» не столько отдельные типовые моноконфликты (социо-культурный, политический, административный, этно-национальный, конфликт в социальной сфере, экономический) сколько — почти всегда — сложно-составные конфликты (ССК). Впервые концепт ССК был разработан и представлен в монографии «Трансформация в России в контексте социального конфликта»[2], а затем развит в статьях совместно с д. соц. н. Якимцом В. Н.[3] Необходимость разработки данного концепта состояла в том, чтобы выявить и адекватно «препарировать» многослойный, неоднородный по структуре и насыщенности, в разной степени проявленный конгломерат противоречивых отношений между разными социальными группами трансформирующегося общества, его сферами и сегментами.

Для объяснения особенностей политической транформациии в России была разработана **динамическая модель морфологического анализа социальных конфликтов** трансформирующегося общества, соединяющая структурные и субъектные аспекты анализа[4]. В соответствии с ней *пространство сложно-составного конфликта* образуется пересечением полей разнотипных конфликтов — политических, экономических, социо-культурных и т.д., образуя пульсирующую и подвижную структуру конфликтного взаимодействия, специфика которого определяется неравномерным распределением капиталов действующих субъектов (П. Бурдье), значимость которых определяется доминирующим положением того или иного поля — *как места соотношения сил* — в каждый данный момент времени.

К системному анализу взаимовлияния разнотипных конфликтов друг на друга политическая социология только ещё подходит. Анализ конкретных

---

[1] *Ильин М. В.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // Политические исследования. — 2003. — № 2. — С. 160.

[2] См. : *Никовская Л. И.* Трансформация в России в контексте социально-политического конфликта. В 2-х Частях. — М. , 2004.

[3] См. : *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* Сложносоставные конфликты — атрибут постсоциалистической трансформации: типы особенности, динамика, принципы анализа // Социс. — 2005. — № 8; *Она же, Якимец В. Н.* Природа конфликтности политической трансформации в России // Полития. — 2005. — № 3.

[4] *Никовская Л. И.* Трансформация в России… — Ч. I. С. 77 – 95.

конфликтов в изолированном от других виде — это необходимое условие для выявления системных качеств конфликтности в условиях трансформации. Сейчас, когда отечественная социология накопила знания о многих типах и видах конфликтов, ей предстоит сделать следующий шаг: углубить изучение феномена сложно-составного конфликта, выяснить те социальные эффекты, которые образуются динамично-активным «наложением» полей различных конфликтов в определённом пространстве в условиях общественно-политической модернизации.

Иными словами, модернизация — сложный, неоднозначный и многомерный процесс. Это подтверждают и результаты современных западных исследований. Так, по мнению немецкого учёного Р. Райсига, модернизацию следует рассматривать как обусловленную множеством факторов, **процессуальную**, **открытую самоорганизующуюся эволюцию, в ходе которой развиваются своеобразные и новые элементы. Её течение в этой перспективе является не запрограммированным, а конфликтным, амбивалентным и по своим специфическим результатам неопределённым процессом изменений**[1].

Упование на то, что возникающие в процессе модернизации различные типы моноконфликтов можно исследовать и урегулировать отдельно, на наш взгляд, призрачно. Это утверждение особенно актуально для России, поскольку происходящие в ней процессы во многом уникальны. Фактически, российское постсоветское общество за последние двадцать лет осуществило *тройной переход*: занимаясь приватизацией и структурной перестройкой экономики, радикально перестраивает всю политическую систему, и пытается формировать еще и новую федеративную систему с целью создания устойчивой и жизнеспособной демократической федерации. Противоречия начинают развёртываться во всех сферах общества — *социально-экономической, политической, этно-национальной, духовной* и т.д., взаимопроникая и усиливая друг друга.

Как отмечают отечественные социологи, кризис, на фоне которого была поставлена задача модернизации страны, не прошёл для российского населения даром. Практически три четверти населения считают текущую ситуацию в стране проблемной, кризисной, а каждый десятый россиянин назвал ситуацию катастрофической. Массовые оценки ситуации в стране немного улучшились за последний год, но остаются гораздо ниже, чем в докризисный период. Для большинства россиян окружающая действительность остаётся сложной, напряжённой. Ситуация усугубляется ещё и тем, что более половины населения по самооценкам достаточно сильно пострадали в результате экономического кризиса — 53 **% считают нанесённый им лично ущерб как минимум существенным. Неудивительно, что население практически едино-**

[1] *Райсиг Р.* Исследования трансформации: достижения, насущные проблемы и перспективы // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2-х т., Т. 2. — СПб. ; М. , 2003. — С. 236.

гласно в суждении о том, что в результате кризиса сложнее всего пришлось простым россиянам, то есть им самим[1].Одиннадцать лет граждане и власть по отдельности занимались обустройством собственной жизни. Когда, обустроившись, отойдя от голодных и лихих 90-х, граждане оглянулись по сторонам, то увидели картину, которая им очень не понравилась. Они увидели самопровозглашённое привилегированное сословие, ставящее себя над законом, отсутствие перспектив для профессионального и творческого развития, невероятный расцвет во «вставшей с колен России» характерных для стран «третьего мира» пороков — *коррупции, кумовства, лоялизма.* При этом политическая власть практически оставалась глуха к запросам и ожиданиям большинства общества. В целом же, можно отметить, что в эволюции политической системы к 2011 г. политический режим подошёл к той черте, когда избыточная «вертикализация» власти, связанная с возвращением и усилением тотального контроля над обществом, начала выходить за пределы оптимального уровня и становиться избыточной и дисфункциональной. Движение вперед прекратилось, и началось «топтание на месте». Демократический фасад стал разрушаться, а имитация демократии стала раздражать народ даже больше, чем откровенный авторитаризм[2]. Своеобразие эволюции российской политической системы состояло в том, что в ней закрепился *принцип безальтернативности власти*, особенно после 2004 г. Причём усиление безальтернативности власти шло в сочетании с укреплением формального фасада демократии. По единодушному мнению ряда исследователей, в сложившейся политической системе идут «два закономерных «встречных» процесса. С одной стороны, ритуализация выборов, разрушение демократического «фасада» системы, которая становится всё более зримой, очевидной. С другой — эволюция общества, в ходе которой оно становится все менее способным обманываться этим фасадом. В какой-то момент эти два процесса неизбежно «столкнутся» и поддержание имитационно-демократической системы станет невозможным»[3]. К сожалению, как отмечается в теоретическом дискурсе, скорее всего эта «встреча» будет связан с дисфункцией, с ломкой сложившейся системы. Не видно пока цивилизованных механизмов, ведущих к демократическим формам сменяемости власти. «Имитационно-демократической системе имманентны глубокие противоречия, которые с течением времени обостряются и ведут к кризису системы и её разрушению. Прежде всего — это противоречие между авторитарным «содержанием» и демократической «формой». Система прочна до тех

---

[1] Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. — М. : Изд. «Весь мир», 2010. — С. 14 – 15.

[2] В этом отношении любопытно, что при всем одобрении народом построенной «вертикали власти» и всей популярности Путина за возвращение прямых выборов губернаторов высказались 61 % опрошенных, а против — только 19 %. — Общественное мнение. — 2008. Ежегодник. М., 2008, с. 57

[3] *Фурман Д. Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. — М. : Изд-во «Весь Мир», 2010. — С. 145.

пор, пока противоречие не осознается. Но вся естественная эволюция системы, равно как и эволюция общества, совершающаяся в рамках этой системы, ведут к тому, что это противоречие все более выходит наружу»[1]. И подтверждением этому служит рост протестных настроений в широких слоях российского общества под давлением кризиса и его социальных последствий. Так, по сообщению Пресс-центра МВД РФ, в 2009 г. в России прошли 30 тысяч публичных акций, из них на 2,5 тысячах выдвигались политические требования. В этих акциях участвовали 5,5 миллиона человек. 440 акций не были санкционированы властями, в них участвовали более 20 тысяч человек. 56 раз блокировались автодороги. В 2010 г., по «причёсанным» данным МВД, за первое полугодие количество таких протестных выступлений, число их участников и частота выдвижения политических требований были гораздо выше, чем в аналогичный период 2009 г.

Точкой невозврата для прежней системы, основанной на отделении граждан от управления страной и полной безответственности власти перед населением, стала рокировка Медведева и Путина 24 сентября на съезде «Единой России». Когда правящий страной тандем до всяких выборов фактически расписал сценарий жизни страны на ближайшие 6, а то и 12 лет. Выборы 4 декабря показали, что обществу не понравился ни этот сценарий, ни то, что он написан даже без его формального участия и согласия. Как бы там ни было, мы имеем дело с признаками явного пробуждения общества от политической апатии, от летаргического сна, в который его десятилетия пыталась вогнать власть под лозунгами стабильности и наведения порядка. Система «управляемой демократии» стала препятствием для развития страны, выявив наболевший императив момента: политическая система должна создавать механизмы развивающейся демократии, которые будут направлять её развитие от управляемой демократии к демократии консолидированной.

Таким образом, выстроенная «вертикаль власти», построенная на субординации, привела к бездеятельности бюрократии, обслуживающей эту «вертикаль», а в итоге — к параличу процесса реального принятия и осуществления решений. *Тотальная зачистка политической сцены выталкивает протест на улицу. А маргинализированный протест (который в институциональных условиях мог бы принять форму гражданского контроля и экспертизы, открытого публичного обсуждения и несогласия) освобождает пространство для системных патологий, таких как, коррупция, криминализация и деградация власти.* В 90-е гг. коррупция облегчала сосуществование власти и общества через практику неформальных сделок. Сегодня коррупция, заблокировав развитие, стала подрывать и саму стабильность, а тем более устойчивое развитие социума. Глава ВЦИОМ В. Федоров в этом отношении достаточно точно отметил: «Большинство россиян полагает, что наше сегодняшнее обще-

[1] . *Фурман Д. Е.* Указ. соч. — С. 143.

ственное устройство несправедливо. Оно в меньшей степени отвечает их понятиям о норме, чем советский уравнительный социализм. С этим обстоятельством люди мирятся. Революционные настроения, стремление «взять и все поделить» — удел немногочисленных маргинальных групп… Но и массовой поддержкой, признанием моральности и справедливости существующий социальный порядок похвастаться не может. Такая ограниченная лояльность жителей нашей страны по отношению к её общественному устройству представляет собой своеобразную мину замедленного действия, заложенную под российское государство… Стоит ли ждать, когда придёт новый Савонаролла и, используя энергию социального протеста, попытается разрушить российскую государственность?»[1].

Именно поэтому противоречие между потребностью перехода на инновационный тип развития и консервацией инерционного сценария, обеспечивающего самой консервативной части государственной бюрократии и олигархическому капиталу, связанному с сырьевыми отраслями экономики, прежние власть и доходы обострили масштаб развёртывания ССК. Сердцевиной, ядром его манифестации является, как выясняется, политическая конфликтность. Внимательный анализ различных конфликтных ситуаций современной российской реальности показывает, что какой бы тип *моноконфликта* мы бы ни взяли — спор о границах вмешательства государства в экономику, об исчерпанности либеральных моделей развития мира и ренессансе социалистических идей, о вложении финансовых ресурсов в банковский сектор или в реальную промышленность, дебаты по поводу реприватизации, социальные протесты и взрывы в моногородах, забастовочные процессы, коллизии вокруг моделей федерализма и разграничения полномочий между регионами и Центром, конфликтные процессы ценностно-мировоззренческого самоопределения элиты и населения — все они, так или иначе, будут упираться в вопрос о характере политической власти, способах ее институционализации и векторе эволюционирования. Подавляющее большинство конфликтов определяется глубинной борьбой за власть, за переделы сфер влияния, за допуск к принятию политических решений, за расширение возможностей определения государственной политики во всем ее многообразии. Таким образом, *политическая составляющая* сложно-составных конфликтов на современном этапе, в условиях кризиса, будет *преобладающей,* а *политическая форма урегулирования* конфликтности являться ведущей. Именно в этом пункте мы обнаруживаем своего рода нерв всего происходящего: экономические, социальные и тем более политические преобразования концентрируются во властных отношениях — в системе доминирования, господства, утверждения авторитета, с одной стороны, и зависимости, подчинения, готовности к принятию авторитета, с другой стороны. Различие между авторитарным и демократическими режимами, как показывает практика всех российских преобразова-

[1] *Федоров В.* В ожидании Саванароллы. URL: http://www. vz.ru/columns/ 2007/1/24/65 660.htm1.

ний, состоит не в сломе властных институтов *как таковых*, а в создании новых способов обеспечения механизма «доминирования — согласия», новых правил поддержания социально-политического консенсуса между властью и обществом, властью и населением. Если новая, формирующаяся демократическая политическая система, к необходимости формирования которой призвал в своём первом Послании к Федеральному Собранию РФ Президент Медведев Д. А., сумеет освоить этот цивилизованный «алфавит» разрешения противоречий и коллизий, порождаемых логикой выхода из кризиса, тогда мы сможем вырваться из ситуации «топтания в точке бифуркации», когда затянувшийся системный кризис грозит перерасти в синдром социальной катастрофы, чреватой нарастанием степени стихийности и неуправляемости общественно-политических процессов. Именно в этом направлении должно выкристаллизовываться понимание регулирующей роли кризиса, который должен разрешаться на демократической основе посредством открытого, публичного арбитража и мирного диалога противоборствующих сторон. Именно публичный арбитраж и мирное разрешение конфликтных ситуаций должно стать мерилом для оценки жизнеспособности и позитивной функциональности российских моделей модернизации, гарантирующих от диктаторского «отката» или насильственного варианта выхода из политического тупика.

А возвращающаяся сегодня в свои права «большая политика» со всей остротой вскрыла противоречие прошедшего «стабильного» периода — между монополизирующейся властью и плюрализмом многообразных гражданских и деловых инициатив, разбуженных демократическими реформами 90-х, сформировавшихся за прошедшее 20-летие и отрезанных от процесса принятия социально-значимых решений. Поскольку Путин так и не решил проблему российской бюрократии, главного субъекта всех активных политических действий.

«Запас прочности», который у российского политического режима безусловно есть, не просто истончается, он непредсказуемо истончается. Это ставит перед исследователями серьёзную задачу изучения латентных форм сложносоставной конфликтности и факторов её перехода в открытое состояние. Российское общество начинает «уставать» от нарастающей имитации борьбы с коррупцией, пока в локальной форме подниматься на защиту своих социальных интересов и свой безопасности против коррумпированных структур МВД и прокуратуры (инциденты в Сагре, Благовещенске и пр.), разочаровываться в характере реализации проекта модернизации, но самое главное — «у граждан ярко выражено чувство несправедливости происходящим, чувство отчуждённости от власти и своей ненужности в этой системе. Власть тебя не слышит, да и не желает слышать. И эта неудовлетворённость людей ролью, отведённой им в политсистеме, может подрубить под корень легитимность любого режима»[1]. В стране явно формируется и зреет мощ-

[1] *Шестопал Е.* Новых героев нет, а старые не имеют прежней притягательной силы // Независимая газета. Приложение «НГ-политика». — 2011 — 21 июня. — С. 1.

ный сложно-составной конфликт, в котором основанием служит причинный ряд социально-экономического свойства (консервация бедности, социальной поляризации, неудовлетворённость распределительной системой и сохранением минимума социальных гарантий). Локально по стране мы наблюдаем открытое недовольство, а чаще недоверие, деятельностью ряда силовых структур и органов государственного и муниципального управления, что актуализирует поля административно-правовых конфликтов. Это не может не задевать и актуализировать этно-национальные и идейно-нравственные формы проявления конфликтности. Иными словами, в один момент формирующиеся фрустрации могут сойтись в одну точку. И это при том, что характерной особенностью нынешнего состояния социальной системы является «общий фон неопределённости и зыбкости всех общественных устоев, что предопределяет вектор политического развития»[1]. И в итоге может получиться то, что Б. Макаренко очень точно определил в отношении «арабского бунта»: «…несмотря на объективные предпосылки, никто не предсказывал взрыва арабской улицы. Политология — наука инерционная. Даже если анализ предпосылок выполнен практически безукоризненно, политолог не склонен «кликать бунт». На самом деле, момент и повод взрыва действительно не поддаётся рациональному исчислению: невозможно угадать, когда отчаявшийся торговец, у которого конфисковали тележку с растительным маслом, обольёт себя бензином. В авторитарном режиме очень трудно рассчитать степень «энтропии стабильности» режима — оппозиция и пресса почти лишены голоса, статистика не говорит всей правды, замеры общественного мнения малоэффективны. Так что упрёка политологи заслуживают лишь за одно: они проглядели момент «критической точки фрустрации»[2]. Но сложность проблемы прогнозирования перехода латентных форм комплексной конфликтности в открытое состояние известна давно. Недаром такой известный социолог, как Петер Штомпка, размышляя о факторах и детерминантах перехода социальной напряжённости в форму революционного действия, в своей работе «Социология социальных изменений» пишет о пяти загадках или парадоксах, связанных с объяснением возникновения революционной протестной мобилизации, которая позволяет преодолеть барьер апатии, пассивности, инерции, подчинения и позволяет населению решиться сражаться за свои интересы и идеалы[3].

Как показывают последние исследования Института социологии РАН[4], в обществе постепенно в «нулевые» годы стали складываться различные социальные группы — от молодых предпринимателей, бизнес которых сформи-

---

[1] *Шестопал Е.* Указ. соч. — С. 2.

[2] *Макаренко Б.* Указ. соч.

[3] *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. — М. : Аспект Пресс, 1996.

[4] Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. — М. : ИС РАН, 2011.

ровался «снизу» как проявление деловой инициативы, до представителей профессионально и гражданско активных слоев общества, для которых концепт «стабильность» уже не столь привлекателен, а изменение без развития и самореализации — не приемлемы. В ситуации неустойчивого равновесия и усталости «взорвать» систему может даже самый маленький несистемный фактор. Невозможно не согласиться с мыслью Б. Макаренко, что арабские события напоминают нам, что политический режим, как и человек в описании булгаковского героя, «смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда *внезапно* смертен, вот в чем фокус». И есть только один способ избежать такого сценария навсегда: решить проблемы незавершённой модернизации и отсталости политических институтов[1].

Список литературы

1. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М. , 2006.
2. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Изд. «Весь мир», 2010.
3. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М. : ИС РАН, 2011.
4. *Инглхарт Р.* Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества / под ред. Иноземцева В. Л. М. : Изд-во «Европа», 2010.
5. *Ильин М. В.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // Политические исследования. 2003. № 2.
6. *Попов Г. Х.* Об экономическом кризисе. М. , 2008.

© Никовская Л. И., 2012

[1] *Макаренко Б.* Указ. соч.